

въ нее то, что составляетъ для меня всю жизнь. Но это невозможно. Выходить только то, что я мучаю васъ и мучаю себя. Не только мучаю себя, но гублю все, что дѣлаю. Мнѣ всякій имѣетъ право сказать и говорить, что я обманщикъ, что я говорю, но не дѣлаю, что я проповѣдую евангельскую бѣдность, а самъ живу въ роскоши подѣ предлогомъ, что я отдалъ все женѣ».—Въ отвѣтъ на это жена его проситъ быть «выше этихъ упрековъ» и терпѣть.

Пьеса эта лишена силы и пафоса, котораго въ правѣ былъ бы ожидать читатель въ произведеніи, имѣющемъ въ основѣ—идею о высшемъ призваніи человѣческой личности. Старый писатель просто и нѣсколько вяло рассказалъ пережитую трагедію, которая въ непосредственной жизни не переставала его бурно волновать и мучить. И безъ того было ясно, какъ огульны и психологически грубы и наивны были обвиненія, направленные противъ Толстого за его якобы лицемеріе. Пьеса же эта окончательно устанавливаетъ тотъ фактъ, что въ рѣшеніи Толстого остаться въ семьѣ и отодвинуть идеалы своей личной жизни заключаются мотивы чисто моральнаго и даже аскетическаго характера. Во всякомъ случаѣ, рѣшающую роль въ этомъ играли побужденія психологическаго характера: на стараго писателя само собой дѣйствовали ар-